Литература и Искусство
МОСКВА
28 МАР. 42

В. ЕРМИЛОВ

Русский гений

К 74-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. М. ГОРЬКОГО

Мы вновь и вновь поднимаем имя Горького, как знамя, как факел, которым запылало сердце юноши Данко. Мы поднимаем имя Горького, равно близкое и дорогое всем народам земного шара. В том, что Горький стал гордостью всего современного человечества, заключена для нас, русских людей, наша особая, национальная гордость.

Гоголь писал:

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой же очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Горький — наиболее **русский** писатель из писателей нашей эпохи, наиболее проникновенно, в наибольшей чистоте, «очищенной красоте», выразивший особенности русского национального характера. Он с наибольшей глубиной и полнотой воспринял и развил национальные традиции нашей классической литературы. И вместе с тем, или вследствие этого, он стал писателем мира.

О русской литературе Горький говорил так в одной из статей, относящихся к 1908 году:

«В истории развития литературы европейской наша юная литература представляет собой феномен изумительный; я не преувеличу правды, сказав, что ни одна из литератур Запада не возникала к жизни с такою силою и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске таланта... нигде на протяжении неполных ста лет не появлялось столь яркого созвездия великих имен, как в России...

Как человек, как личность, писатель русский доселе стоял, освещенный ярким светом беззаветной и страстной любви к великому делу жизни, литературе, к... народу... своей земли... Всю жизнь свою, все силы сердца он тратил на жаркую проповедь общечеловеческой правды, будил внимание к народу своему, но, — не отделял его от мира, как Френсен отделяет немцев... как начинает отделять итальянцев д'Аннунцио».

Горький гордился тем, что наша литература сильнее и чаще, чем литература других великих народов, провозглашала **общечеловеческое**, а не узко национальное. Он гордился тем, что только русская литература умеет рассказать о человеке «с такою неисчерпаемою, мягкою и страстною любовью матери», гордился ее активным, воинствующим гуманизмом. Горький радовался тому, что русская литература была передовой литературой мира.

Точно так же и мы гордимся тем, что только наша, русская литература смогла устами Горького впервые поставить такие грандиозные темы, каких еще не ставила мировая литература, рассказать людям нечто, о чем еще не рассказывали писатели других великих народов.

В самом деле, задумаемся, например, над тем, что только русская литература устами Горького впервые рассказала о том, что значит **Труд** для Человека — оба эти слова для Горького были словами с большой буквы. Тема труда была едва ли не главной темой всего горьковского творчества. «Если бы я был критиком, — сказал Горький в 1928 году, отвечая на приветствие торжественного пленума Тбилисского совета, — и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть, каким он стоит перед вами, тем писателем, которого вы так преувеличенно чтите, которого так любите, заключается в том, товарищи, что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, понял величайшее значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире».

Горький **поэтически открыл** истину, состоящую в том, что труд сделал человека — человеком, что только верность Труду может сохранить и развить человечность, что отрыв от труда, паразитизм превращают человека в грязное животное.

В мировой литературе нет художника, который умел бы с горьковской силой воспевать счастье общественного, творческого труда, «восторг деланья». И нет в мировой литературе художника, который с горьковской силой умел бы выразить возмущение и гнев за оскорбление труда, за искажение его благородной человеческой природы, за превращение труда в рабство, в каторгу.

Быть может, самое великое, что создано Горьким,—это картины труда. Вспомним одну из этих картин, нарисованную в «Моих университетах»:

«...мне хорошо памятен день, когда я впервые почувствовал героическую поэзию труда». Вспомним, как работали люди — простые волжские грузчики, под осенним проливным дождем и резким ветром, в течение суток: «...работали так, как будто изголодались о труде, как будто давно ожидали удовольствия швырять с рук на руки четырехпудовые мешки, бегом носиться с тюками на спине. Работали играя, с веселым увлечением детей, с той пьяной радостью делать, слаще которой только об'ятие женщины... Я тоже хватал мешки, тащил, бросал, снова бежал и хватал, и казалось мне, что и сам я, и все вокруг завертелось в бурной пляске, что эти люди могут так страшно и весело работать без устали, не щадя себя — месяца, года, что они могут, ухватясь за колокольни и минареты города, стащить его с места, куда захотят.

Я жил эту ночь в радости, не испытанной мною, душу озаряло желание прожить всю жизнь в этом полубезумном восторге деланья... Казалось, что такому напряжению радостно раз'яренной силы ничто не может противостоять, она способна содеять чудеса на земле, может покрыть всю землю в одну ночь прекрасными дворцами и городами, как об этом говорят вещие сказки...»

Да, ни у кого из мировых писателей до Горького мы не могли встретить такой вдохновенной песни, такой страстной, веселой, героической музыки труда. Труд может сделать все на земле, он может воплотить прекрасную, сказочную мечту о счастье, он может преодолеть все препятствия, он, труд, проявляет все самые лучшие, самые священные способности и свойства человека. В труде рождается Человек с большой буквы.

В этом поэтическом открытии — мировое значение Горького.

А для нас, русских людей, тут есть и нечто особенно дорогое, особенно важное. В отношении русского человека к труду, как оно нарисовано Горьким, мы видим **русский** беззаветный размах, нашу русскую способность отдаться творческой, священной страсти целиком, без остатка, с чисто русской широтой.

Лион Фейхтвангер писал:

«Читая книги Горького, мы находились среди русских людей. Не то, чтобы кто-нибудь один суб'ективно разговаривал: нет это сам народ обретал голос и высказывался о себе. У Горького каждый отдельный человек интересен именно принадлежностью к толпе, из которой он взят, своей народностью... Читаешь Горького, и возникает Россия, не отдельные, а великое множество русских людей; у каждого свое особое лицо, но все вместе дают лицо массы. Я не знаю ни одного другого писателя, который мог бы так, не становясь абстрактным, изображать народ, массу».

Зададим вопрос: что является самым главным, самым характерным для множества русских рядовых людей, изображенных Горьким? И мы увидим могучую страну труда, мы увидим, что все эти люди **работают**, что всем им хорошо знаком «восторг деланья». Перед нами вереницей пройдут великолепные мастера с золотыми руками, простые, рядовые русские люди, влюбленные в свой труд, художники и поэты труда. Мы увидим народ, исполненный великого трудолюбия, презирающий лень, дармоедство (не потому ли именно наша литература с такой силой посмеялась над «обломовщиной»?). И мы с особенной ясностью поймем всю закономерность того, что именно наш народ создал вдохновенное стахановское движение, — точно так же как закономерно то, что именно наша литература, в лице Горького, воспела радость и счастье труда.

Мы поймем также с новой ясностью и то, почему столь непримирима, несгибаема, упорна, яростна испепеляющая ненависть русских людей к проклятому, изуверскому, паразитическому фашизму. Русского человека, добившегося воплощения мечты о свободном, творческом труде, гитлеровская банда хочет превратить в раба!

Германия стала рынком рабов, каторгой труда. Фашисты втаптывают в грязь трудовое достоинство человека, они превратили труд в издевательство, они твердят, что не трудовая ценность человека, а исключительно принадлежность к «высшей расе» определяет «человеческое достоинство».

Горький ненавидел этих врагов труда с той силой страсти, к какой способен великий русский человек. И разве можем мы, русские люди, не гордиться тем, что, как и в прошлом столетии, наша литература оказалась передовой литературой мира, возглавившей в лице Горького борьбу с темными силами современной реакции и мракобесия!

Русская литература с наибольшей мощью прославила человека. Все творчество Горького представляет собою великолепный гимн в честь свободного, творческого, гордого человека.

«Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его, необ'ятный, как мир, медленно шествует—вперед! и — выше! — трагически прекрасный человек.

Идет он, орошая кровью сердца свой труд... гордый путь...

Величественный, гордый и свободный, он мужественно смотрит в очи правде...

Иду, чтобы сгореть как можно ярче и глубже осветить тьму жизни.

Все в Человеке — все для Человека!..

Так шествует мятежный Человек — вперед! и — выше! все — вперед! и выше!»

Не было ни одного другого художника, который с такой величавой твердостью выразил **непоколебимую уверенность** в победе Человека, разума, труда, счастья.

Таков русский гений с его спокойной, мужественной верой в конечную победу— мятежный, непобедимый гений свободолюбия, труда, справедливости, разума и человечности. Вдохновляемые этой могучей, русской верой в победу, мы ведем сейчас священную войну с диким, раздувшимся от крови, уродливым фашизмом.

И великий наш Горький участвует вместе с нами в этой нашей грозной, непримиримой борьбе, — участвует, как живой, вечно живой, неутомимый борец. Недавно в приказе Наркома обороны вновь прозвучали на весь мир знаменитые слова Горького, процитированные великим Сталиным:

«Если враг не сдается, — его уничтожают».

Такова гениальная формула нашего, русского, подлинного, воинствующего гуманизма. Мы не знаем расовой ненависти, мы презираем и ненавидим все, связанное с национальным высокомерием, с проповедью национальной, расовой исключительности. Мы далеки от того, чтобы смешивать немецкий народ с окаянной гитлеровской кликой. Но наш гуманизм потому и является подлинным, а не ложным сладеньким «гуманизмом», что он воодушевлен не только любовью, но и ненавистью. Горький учил, что не бывает любви без ненависти. Чем глубже наша любовь к родине, к человечеству, тем глубже ненависть к врагам человечества, к **человекоподобным** (употребляя горьковское выражение) взбесившимся фашистским крысам.

Наш великий народ не может не победить. Русский гений — гений победы. Весь мир видит и слышит в громе наших орудий, в наступательных боях могучей Красной Армии, в героизме ее бойцов — **силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе!** Буря! Скоро грянет буря!

Скоро, скоро грянет очистительная буря, сметет фашистскую кровавую грязь, и чистым будет воздух на освобожденной земле!

Вместе с нами народы всего мира поднимают имя Горького, потому что русский гений — это гений всего передового, прогрессивного человечества.